

основой российского государства, направленной на формирование механизмов защиты прав и свобод граждан, в том числе и в сфере правотворчества и обеспечения личной безопасности.

Результативность всех процессов обеспечения личной безопасности требует создания такого механизма, с помощью которого можно было бы сформировать критерии личной безопасности через качественные и количественные параметры, выстроить целостную систему органов государственной власти, ответственных за обеспечение личной безопасности, а также гарантирующего полноценное и активное участие человека и гражданина в обеспечении собственной безопасности.

Основные направления деятельности механизма обеспечения личной безопасности заключаются в создании и закреплении системы приоритетов жизненно важных интересов личности (общества и государства), формировании и систематизации угроз данным интересам, формировании стандартов безопасности, конкретизации мер ответственности как самих граждан, так и государственных органов, ненадлежащим образом исполнивших свои функциональные обязанности по обеспечению права личности на безопасность [8, с. 13]. Юридическая ответственность является не только атрибутом личной безопасности, но и важнейшей гарантией последней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыкунов В.И. К вопросу об ответственности в сфере безопасности // Безопасность: Информационный сборник. 1996. № 1-2. С. 98-105.
2. Глушкова С.И. Права человека в России: теория, история, практика. М.: Изд-во «Права человека», 2003. 480 с.
3. Антонов А.Б., Балашов В.Г. Основы обеспечения безопасности личности, общества и государства. М.: Изд-во «Отечество», 1996. 354 с.
4. Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 1999. 602 с.
5. Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. Серия «Философия свободы». Выпуск 1. / Пер. с нем. Челябинск: Социум, 2003. 200 с.
6. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 196 с.
7. Плесовских В.Д. Порядок управления в Российской Федерации (теоретические и правовые проблемы): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Тюмень, 2001. 42 с.
8. Памфилова Э.А. Условия успешной правозащитной деятельности государственных органов // Права человека в России и правозащитная деятельность государства / Под ред. В.Н. Лопатина. СПб.: Юрид. центр Пресс, С. 13-18.

LEGAL RESPONSIBILITY AS ELEMENT OF THE STATE LEGAL MECHANISM OF ENSURING PERSONAL SECURITY

© 2014

A.A. Fomin, doctor of jurisprudence, associate professor, professor of chair of «Constitutional law»

St. Petersburg state economic university, St. Petersburg (Russia)

A.S. Fomina, postgraduate student

Penza state university, Penza (Russia)

Annotation: When developing questions of a state legal mechanism of ensuring personal security it is impossible to ignore a question of a place and a role in it such concept as «responsibility». Legal responsibility is one of the most important guarantees of ensuring personal security.

Keywords: legal responsibility, personal security, state legal mechanism.

УДК 343.375

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИЗНАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПРЕДМЕТОМ ХИЩЕНИЯ

© 2014

V.V. Хилота, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии

Гродненский государственный университет им. Я.Купалы, Гродно (Республика Беларусь)

Аннотация: В статье рассматривается такой предмет хищения как информация. Рассматриваются различные подходы к оценке ситуаций, связанных с противоправным завладением информацией в корыстных целях. Автором обосновывается тезис о материальности предмета хищения и необходимости конструирования новых составов преступлений в имущественной сфере.

Ключевые слова: хищение, информация, предмет преступления, имущественные преступления, собственность.

Одним из следствий технического прогресса является активное внедрение информации в экономический оборот: это приводит к образованию специфического информационного рынка, становлению информационного общества. Сегодня невозможно представить успешную экономику без развитой системы информационных сетей, их активного использования производителями и потребителями. Информация и информатизация на деле доказали свои возможности в сферах расширения производства и обеспечения иных социальных задач [1, с. 80].

В тоже время сейчас очень важно найти адекватные правовые механизмы, которые бы обеспечили правовое регулирование новых, информационных общественных отношений. Это позволит экономически эффективно использовать данную отрасль производства в деятельности человека, и системно противостоять

различным правонарушениям и преступлениям в этой сфере. Сегодня уже не редки стали случаи, когда незаконная полученная (похищенная) информация вовлекается в гражданский оборот и совершаемые с ее помощью впоследствии противоправные действия обладают значительной общественной опасностью.

Так можно ли информацию похитить, в смысле совершить ее хищение в уголовно-правовом значении?

В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь к объектам гражданских прав относится охраняемая информация. Однако информация – это отдельный нематериальный и самостоятельный объект как гражданского, так и публичного права, причем она (информация) как и интеллектуальная собственность, в корне отличается от материального имущества (вещи) [2, с. 74]. Прежде всего, информация представляет собой категорию идеального, она

неосязаема, непотребляема и не может быть объектом правоотношений безотносительно к материальным носителям – физическим объектам (например, отдельным документам), т.е. информация является благом нематериальным, она может подвергаться лишь моральному, но не физическому старению [3, с. 22; 4, с. 115].

Безусловно, с этих позиций (в контексте понимания физического признака имущества как материальной осязаемой вещи) информацию нельзя похитить, завладеть лишь можно информационным продуктом, который уже сам по себе входит в состав товарного имущества.

В принципе зарубежное уголовное право аналогичным образом подходит к пониманию рассматриваемой проблемы. Так, в Великобритании информацию, в том числе и на осязаемых, бумажных носителях, торговую тайну нельзя украсть (похитить), поскольку она не относится к предмету кражи (theft) [5]. Такой же позиции придерживается и германское законодательство, где информация не может быть отнесена к категории «вещь», т.к. вещами для целей уголовного права признаются любые материально-выраженные предметы [6, с. 419]. Большинство французских криминалистов придерживаются мнения, согласно которому похитить информацию невозможно, и речь должна идти лишь о хищении ее материальных носителей – дискет, документов и т.д. [7].

В США применяется другой подход, т.к. здесь совсем иное понимание правовой категории «вещь». Американское уголовное право в последнее время расширило круг объектов хищения имущества, и к нему теперь может быть отнесено неосязаемое движимое имущество, в том числе представляющее какую-либо ценность документ. Еще сравнительно недавно компьютерные программы и данные могли быть предметом кражи не во всех штатах. Однако рост числа компьютерных преступлений и значительный материальный ущерб, причиняемый ими побудил законодателей всех юрисдикций предусмотреть уголовную ответственность за хищение информации. Так, например, по УК штата Массачусетс, имущество, которое может быть похищено, включает в себя полученную или сохраняемую электронным путем информацию, осязаемую или неосязаемую, а также информацию во время ее передачи (гл. 226, ст. 30 (2) [8, с. 385]). В пункте А (7) ст. 502 УК штата Калифорния говорится, что понятие собственности включает в себя: данные, компьютерные программы, документы, связанные с компьютерными программами и системами, или их копии, осязаемые или неосязаемые, включая данные, которые могут быть прочитаны как человеком, так и ЭВМ, в том числе данные в процессе обработки.

Одно из самых крупных хищений информации в истории было раскрыто в США в 2013 г. По данным следствия, хакеры внедрили в корпоративные компьютерные системы программы, позволявшие им считывать информацию. Таким образом, были украдены данные о 160 миллионах кредитных карт. Затем обвиняемые продавали другим мошенникам полученную информацию из расчета 10 долларов за американскую кредитную карту, 15 долларов за канадскую и 50 долларов за европейскую. По данным американского следствия, злоумышленники также внедрили в компьютерную систему Nasdaq вредоносный код, позволявший им считывать, стирать и изменять данные на серверах, что, однако, не затронуло работу электронных платформ, с помощью которых клиенты биржи продают и покупают ценные бумаги. Средства были похищены с 800 тысяч банковских счетов. Свою преступную деятельность обвиняемые вели с 2005 г. до лета 2012 г.

Итак, если следовать букве белорусского законодателя, то лишь охраняемая информация

относится к объектам гражданских прав, и по нашему мнению, в контексте рассматриваемой проблемы она должна обладать специфическими признаками, т.е. информация: а) представляет собой товар, реализуемый в рамках экономического оборота; б) обладает ценностью (действительной или потенциальной); в) не является общедоступной и общеизвестной; г) обладателем информации приняты меры к охране ее конфиденциальности.

Понимание информационной продукции как материализованного результата информационных потребностей различных субъектов, качественно отличается от определения самой информации как сведений о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах. Так, в случае похищения вещи как материального субстрата сам предмет переходит в обладание виновного, в отличие, например, от незаконного копирования (похищения) информации, т.к. эта информация все равно остается у собственника, а похитившее ее лицо исключительным обладателем информации не становится. Показателем этого отношения п. 11 Положения о Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2009 г. № 229 «О Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», где фактически говорится о том, что информацию можно похитить как вещь («Информация Единого регистра в электронном виде и на бумажных носителях должна храниться и обрабатываться в условиях, обеспечивающих предотвращение хищения, утраты, искажения, подделки информации (ее носителей)», что представляется не совсем верным. Более того, в такой ситуации «хищения» непременно встает вопрос определения стоимости похищенной информации, и каким образом это будет происходить (а информация может обладать стоимостью как законной, так и в ряде случаев – незаконной).

Именно ключевое понимание информации как блага особого рода, отражающим на прагматическом уровне ее социальную и коммерческую полезность (ценность) для участников гражданских правоотношений, а информация как благо особого рода не тождественна материальному носителю, хотя и связана с ним определенными отношениями [9, с. 83], заставляет нас в вопросе ее похищения прийти к иного рода проблеме, выводящей сентенцию «хищение информации» на иной уровень: «причинение имущественного ущерба собственнику от противоправного завладения информацией». Безусловно, информацию нельзя похитить (в смысле совершения преступления против собственности), т.к. она остается и у собственника, в то время как ее приобретает незаконным образом и иное лицо. Однако в данном случае собственнику причиняется имущественный ущерб в виде неполучения должного (именно стоимостный эквивалент он мог бы получить, в результате, например, правомерной продажи этой информации), а виновное лицо, получившее (похитившее) информацию противоправным образом извлекает имущественную выгоду.

Конечно, такое понимание сути проблемы «не вписывается» в традиционное значение концепции похищения имущества как физического перемещения вещи в пространстве, но приобретает иной статус в контексте преступлений против экономических благ (интересов) и их оборота, т.к. здесь имеется с одной стороны – цель извлечения имущественной (экономической) выгоды, с другой – причинение имущественного ущерба собственнику.

Сегодня же хищение информации, т.е. присвоение машинной информации, в том числе программного обеспечения, несанкционированное копирование информации, завладение сведениями, составляющими банковскую или коммерческую тайну и т.п., главным

образом, не рассматривается как хищение потому, что хищение сопряжено с завладением (изъятием) определенных ценностей из фондов собственника. Кроме того, неразрывная связь информации с ее материальным носителем еще не дает оснований для вывода о том, что результат завладения услугами информационного характера будет всегда носить овеществленный характер. Рассматриваемая проблема усугубляется также и тем, что цивилистической наукой до конца не определено место информации в системе объектов гражданских прав. В гражданском праве информация рассматривается как объект вещных прав (1), как объект только исключительных прав (2), как нематериальное благо (3).

Таким образом, в настоящее время похитить информацию не представляется возможным, но вести речь можно о противоправном завладении информацией экономического характера, т.е. именно такой, которая вовлечена в экономический оборот и может подлежать некой оценке, выраженной в ее денежном (стоимостном) или ином эквиваленте. В рамках борьбы с преступностью в экономической сфере можно было бы предусмотреть общую норму, предусматривавшую ответственность за «хищение» информации: «Умышленное, противоправное, завладение охраняемой информацией с целью извлечения имущественной выгоды в значительном размере». Причем речь в данном случае может идти о любой информации, вовлеченной в экономический оборот, и способной принести имущественную выгоду лицу, во владении которого она находится: начиная от данных личного характера, зарегистрированных в различных карточках и заканчивая компьютерными программами и иной конфиденциальной информацией.

Бесспорно, в современном мире информация давно приобрела товарный характер, выступая в качестве самостоятельного объекта договорных отношений,

связанных с ее оборотом, хранением, распространением и использованием в различных сферах человеческой деятельности, и в этом своем качестве она обладает, как и всякий обычный товар, потребительской и меновой стоимостью. Однако выделение информации в качестве особого предмета в уголовном праве обусловлено не только ее коммерческой ценностью в обороте, но и особой значимостью, необходимостью защиты прав личности и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербак Н.В. Информация как объект гражданско-правового регулирования // Законодательство. – 2004. – № 7. – С. 80-86.
2. Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права / С.И.Семилетов // Государство и право. – 2000. – № 5. – С. 74.
3. Северин, В.А. Правовое регулирование информационных отношений // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 2000. – № 5. – С. 20-28.
4. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с.
5. Колесников А. Как понимают хищение в Великобритании и России // Закон. – 2003. – № 2. – С. 121-123.
6. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: Проспект, 2006. – 520 с.
7. Клепицкий И.А. Имущественные преступления (сравнительно-правовой аспект) // Законодательство. – 2000. – № 2. – С. 70-78.
8. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Изд-во Р.Асланова, 2007. – 480 с.
9. Городов О.А. Информация как объект гражданских прав // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 80-89.

OPPORTUNITY RECOGNITION INFORMATION SUBJECT OF THEFT

© 2014

V.V. Hilyuta, PhD, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology
Grodno State University Kupala, Grodno (Republic of Belarus)

Annotation: The article considers such thing as theft of information. Different approaches to the assessment of situations involving wrongful gaining possession of information for personal gain. The author substantiates the thesis of the materiality of the subject of the theft and the need for the construction of new offenses in the property sector.

Keywords: theft of information, the subject of crime, property crime, property.

УДК 94(47).01.02

ИНСТИТУТ МЕСТИ И КНЯЖЕСКАЯ ВЛАСТЬ НА РУСИ В IX – НАЧАЛЕ XI вв.

© 2014

С.Б. Чебаненко, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация: Первые свидетельства о проникновении княжеской власти в сферу действия мести относятся к 9 в. и касаются случаев посягательств на лица, находящиеся под защитой князя, к которым относятся дружина, привилегированные чужаки (купцы), представители Руси в отношениях с внешним миром. Коллизии, связанные с обычаем кровной мести в среде местного населения долго остаются вне внимания властей. Способом обеспечения княжеской защиты была вира, повышенный штраф, который налагался за убийство привилегированных категорий населения. До начала XI в., вира назначалась также за убийство полян, что отличало их от жителей других регионов Руси.

Ключевые слова: месть, князь, судебный штраф, вира, суд, право, смертная казнь, Русь.

В исторической, историко-правовой литературе распространенным является мнение о довольно раннем проникновении княжеской власти в сферу действия мести. Сквозным мотивом большинства ученых построенный является приписывание княжеской власти какого-то имманентно ей присущего стремления к ограничению мести. Раз тот или иной князь проявляет себя на ниве нормотворчества, то он должен так или иначе ограничить обычай мести; внутренние ресурсы самого обычая к модификации и иные мотивы обращения к нему властей почти не принимаются во внимание.

Вместе с тем, как нам представляется, сначала речь шла не об ограничении, а о восприятии принципов мести и дополнении её механизмами, позволяющими княжеской власти использовать этот институт в своих интересах, и лишь время спустя эти механизмы так или иначе были использованы для ограничения действия кровной мести. Кроме того, князья долгое время проявляют известное безразличие к вмешательству во внутренние конфликты, связанные с местью.

Попробуем определить, когда и с какой целью князья начинают оказывать воздействие на эту область, и какие